

Миграция в современной России: масштабы, основные направления и проблемы

Н. А. Прюель¹

Л. Н. Липатова^{2*}

В. Н. Градусова²

¹ ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет»
(г. Санкт-Петербург, Россия)

² Северо-Западный институт управления ФГБОУ ВО «Российская академия
народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской
Федерации» (г. Санкт-Петербург, Россия),
* ln.lipatova@yandex.ru

Введение. В последние годы многие европейские страны, столкнувшиеся со значительным притоком мигрантов, испытывают экономические и социальные проблемы. Перераспределение населения – объективный процесс. С территориальной подвижностью людей могут быть сопряжены как личные, так и общественные трудности, поэтому важно предусмотреть возможные негативные последствия массовых миграций. Цель статьи – провести анализ миграционных потоков в современной России и выявить возможные угрозы экономической безопасности и социальной стабильности, связанные с миграцией населения

Материалы и методы. Используются данные Росстата, публикации ученых, занимающихся исследованием данной проблемы. Применялись методы системного подхода, демографического анализа, сравнительного анализа, обобщения и интерпретации полученных результатов, контент-анализ.

Результаты исследования. На основе данных официальной статистики и экспертных оценок проведен анализ ситуации в сфере миграции населения в России, выявлены основные направления перераспределения населения, обоснована необходимость корректировки социально-экономической политики в регионах, испытывающих значительный миграционный оборот. Предложен комплекс мер, направленных на уменьшение эмиграции молодежи из российских регионов.

© Прюель Н. А., Липатова Л. Н., Градусова В. Н., 2020

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Обсуждение и заключение. Сделаны выводы о возможном усилении негативного влияния миграционных процессов на социально-экономическое развитие Российской Федерации в целом и отдельных регионов в частности. Это требует детального изучения миграционных процессов в целях принятия мер по оптимизации миграционных потоков и корректировке социально-экономической политики. Результаты исследования могут быть использованы органами власти при разработке и корректировке программ социально-экономического развития.

Ключевые слова: международная миграция, внутренняя миграция, миграция молодежи, экономическая безопасность, социальная стабильность, трудовой потенциал, рынок труда, государственная социально-экономическая политика

Migration in Modern Russia: Scope, Main Directions and Problems

N. A. Pruel^a, L. N. Lipatova^{b*}, V. N. Gradusova^b

^a *St. Petersburg State University (St. Petersburg, Russia)*

^b *North-West Institute of Management, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (St. Petersburg, Russia),*

** ln.lipatova@yandex.ru*

Introduction. In recent years, many European countries faced with a significant influx of migrants have experienced economic and social problems. Although redistribution of population is an objective process, both personal and social difficulties can be associated with territorial mobility of people. Therefore, it is important to foresee the possible negative consequences of mass migration. The purpose of this piece of research is to analyze migration flows in modern Russia and identify possible threats to economic security and social stability associated with migration.

Materials and Methods. The study employed the data from the Russian Federal State Statistics Service (Rosstat), as well as papers by scientists involved in the study of the problem considered. The systematic approach and the methods of the demographic analysis, comparative analysis, content analysis, generalization and interpretation of the results were adopted.

Results. Based on official statistics and expert estimates, an analysis of the situation in the field of migration in Russia has been carried out, the main directions of population redistribution have been identified, and the need for adjusting the socio-economic policy in the regions experiencing significant migration turnover has been substantiated. A set of measures aimed at reducing the emigration of young people from Russian regions has been proposed.

Discussion and Conclusion. Conclusions have been drawn about the possible increase in the negative impact of migration processes on the socio-economic development of the Russian Federation as a whole as well as that of individual regions in particular. This requires detailed study of migration processes in order to take measures to optimize migration flows and adjust socio-economic policies. The results of the study can be used by the authorities when planning and adjusting socio-economic development programs.

Keywords: international migration, internal migration, youth migration, economic security, social stability, labor potential, labor market, state socio-economic policy

Введение. Перемещение населения – способ жизнедеятельности человеческого общества. Меняя место проживания, люди издревле приспособлялись к условиям, которые им диктовала природа. В условиях глобализации масштабы миграции сильно возросли. На протяжении XX в. в мире наблюдалось интенсивное расширение миграционных потоков, которые к концу века превратились в важный фактор глобальных проблем, требующих иных подходов к миграционной политике для достижения и поддержания баланса интересов сторон, участвующих в регулировании миграционных процессов.

Острейший миграционный кризис в Германии, переросший в кризис экономического общества, вызвал миграционный прирост на уровне 10–15 чел. на 1 000 чел. населения, хотя страна к этому готовилась, а точнее – стремилась в надежде улучшить демографическую ситуацию и наполнить рынок труда дешевой рабочей силой. Великобритания отгораживается от других стран Европы, столкнувшись с этой проблемой на уровне 3–5 чел. миграционного прироста на 1 000 жителей. Италия и Греция испытывают серьезные проблемы при значении коэффициента миграционного прироста 1 чел. на 1 000 чел. населения. В США на высшем уровне говорится о вызванном миграцией гуманитарном кризисе и реальной готовности возвести стену на границе с Мексикой («Великая стена Трампа»), испытывая миграционную нагрузку 2,2 чел. на 1 000 чел. населения. Продолжается строительство Израильского разделительного барьера, хотя коэффициент миграционного прироста в этой стране невысок и сопоставим с российским уровнем¹.

В России начало XXI в. характеризовалось ростом миграции населения, начавшейся в конце предыдущего столетия в связи с распадом СССР. Ограничивать перемещения людей между странами, как показывает опыт Европы, испытывающей приток мигрантов из Азии и Африки, сложно, а внутри страны нельзя. Однако при разработке социально-экономической политики необходимо иметь в виду, что миграция может нанести урон экономике страны, поставить под угрозу социальную стабильность и вызывать изменения политического характера, что может серьезно затруднить продвижение государства по пути устойчивого социально-экономического развития. Ситуация в европейских странах, столкнувшихся с проблемой миграции, подтверждает данный факт.

В этой связи усиливается актуальность научных исследований миграционной активности населения. Цель данной статьи – установить параметры и направления миграции в России, определить проблемы, с которыми могут столкнуться регионы, активно участвующие в перераспределении населения, а также предложить пути их решения.

¹ Россия и страны мира: Стат. сб. / Росстат. М., 2018. С. 53.

Обзор литературы. Большой вклад в изучение мотивов, масштабов, направлений и последствий массового перераспределения населения внесли зарубежные ученые географы Э. Г. Равенштайн², В. Зелински³, социологи С. Стоффер⁴, Д. Массей [1], Э. С. Ли⁵, филолог Д. К. Зипф⁶ и представители других наук. Э. С. Ли, развивая концепцию Э. Г. Равенштайна, отмечал, что с местом прибытия и выбытия связаны как позитивные, так и негативные факторы. К первым он относит стремление воссоединиться с семьей, повысить качество жизни своей семьи и др., а к негативным обстоятельствам, сказывающимся на принятии решения о смене места жительства, – многочисленные проблемы, с которыми сталкиваются люди при переезде⁷.

Предметом изучения в данной статье стала экономическая сторона миграционных процессов. Современные исследователи миграционных потоков подчеркивают их явно выраженную ориентацию из периферии в центр (из развивающихся стран в развитые государства), отмечают, что миграция способствует размыванию границ и ослаблению суверенитета государств [2].

Современной ситуации в сфере миграции и влиянию процессов глобализации на активность территориальной мобильности населения посвящены работы экономистов С. Сассен⁸ [3], С. Каслса, М. Миллера⁹, Дж. Харриса, М. Тодаро¹⁰ и других известных ученых. Так, Дж. Харрис и М. Тодаро исследовали взаимное влияние миграционных процессов и ситуации на рынке труда¹¹.

Современные исследователи много внимания уделяют гендерным аспектам миграции, подчеркивая особую уязвимость женской половины мигрантов [4–6].

Г. Адугна посвятил свое исследование изучению режимов и структуры миграции и транснациональной деятельности мигрантов из Эфиопии,

² Ravenstein E. The Birthplace of the People and the Laws of Migration // *The Geographical Magazine*. 1876. No. 3. Pp. 173–177, 201–206, 229–233; Ravenstein E. The Laws of Migration // *Journal of the Statistical Society*. 1885. No. 46. Pp. 167–235; Ravenstein E. The Laws of Migration: Second Paper // *Journal of the Royal Statistical Society*. 1889. No. 52. Pp. 241–305.

³ Zelinsky W. The Hypothesis of the Mobility Transition // *Geographical Review*. 1971. No. 61. P. 219 – 249.

⁴ Stouffer S. Intervening Opportunities: A Theory Relating Mobility and Distance // *American Sociological Review*. 1940. No. 5. Pp. 845–867.

⁵ Lee E. A Theory of Migration // *Demography*. 1966. No. 3. Pp. 47–57.

⁶ Zipf G. Human Behavior and the Principle of Least Effort. Cambridge : Addison-Wesley Press, 1949. 573 p.; Zipf G. The (P1P2 / D) Hypothesis: On the Intercity Movement of Persons // *American Sociological Review*. 1946. No. 11. Pp. 677–686.

⁷ Lee E. A Theory of Migration.

⁸ Sassen S. The Mobility of Labor and Capital: A Study in International Investment and Labor Flow. New York: Cambridge University Press, 1988. P. 240.

⁹ Castles S., Miller M. The Age of Migration: International Population Movements in the Modern World. London: Macmillan, 1993. 306 p.

¹⁰ Harris J., Todaro M. Migration, Unemployment, and Development: A Two-Sector Analysis // *The American Economic Review*. 1970. No. 60. Pp. 126–142.

¹¹ Там же.

включая обратные визиты, не прямые семейные контакты, особенности денежных переводов (с учетом их величины, роли в семейном бюджете, направлений использования и наличия посредников). Путем сопоставления траекторий миграционных перемещений из этой африканской страны автор отражает не только миграционную динамику, но и запросы рынков труда принимающих стран, требования к квалификации и полу прибывающей в страну рабочей силы. В статье подчеркивается, что все большее влияние на результаты миграции оказывает правовой статус мигрантов во время поездок, а также по прибытии в пункт назначения [7].

Х. Луи с соавторами выявляют причины перераспределения населения внутри одной страны – Китая. По их мнению, принять такое решение многих вынуждает высокая безработица в сельской местности. Предложенная авторами модель миграции позволяет понять, как миграция из сельских районов в города реагирует на различия в затратах на сельскохозяйственное производство, включая наличие воды и рабочей силы, а также то, какие ожидания сельское население связывает с переездом в города [8].

С. Ли, С. Лу и К. Пенг исследовали психологическую устойчивость китайских мигрантов из числа молодежи. За 40 лет трудовой миграции из сельских районов в города в Китае в этот поток влились более 36 млн молодых людей, которые на новом месте сталкиваются с большими трудностями, чем их городские сверстники, из-за различий в образовании и социально-экономическом статусе [9].

Зарубежные авторы, изучающие основные экономические факторы трудовой миграции (концентрация и перераспределение капитала, транспортные возможности, рост численности рабочей силы и др.), доказывают положительную корреляцию между распределением населения и ВВП на душу населения [10].

А. Наварро, Ф. Тариадор представили количественный анализ социальных, экономических и демографических аспектов динамики сельских территорий с использованием системного подхода. Разработанная авторами модель состоит из четырех модулей, воспроизводящих основные характеристики сельских районов (экономический, социальный, демографический модули и «модуль привлекательности») [11].

Исследователи активно изучают как положительные, так и отрицательные стороны механического движения населения. Изучая социально-демографические последствия миграции, Л. Ванг и другие исследователи из Китая отмечают, что успеваемость и психическое здоровье детей вследствие миграции родителей ухудшаются. На основе опроса авторами также было установлено, что родительская миграция сильнее сказывалась на оставленных девочках, чем на мальчиках [12].

Г. Брайан и М. Мортен на примере Индонезии выявляют воздействие внутренней миграции на производительность труда. Авторы предпри-

няли попытку оценить совокупный прирост производительности труда в результате снижения барьеров для внутренней трудовой миграции в Индонезии. Установили, что такой прирост может достигать 22 % [13].

Е. Стивенсон и его соавторы посвятили свою работу изучению отрицательного воздействия миграции на социально-экономическую ситуацию в бассейне реки Омо-Туркана в Эфиопии. Авторы отмечают, что поскольку трудовым мигрантам предоставляются льготы, расходы на развитие территории несут в основном коренные жители региона, занимающиеся сельским хозяйством и скотоводством. В то время как происходящая вследствие промышленного освоения территории трансформация нарушает систему жизнеобеспечения коренных народов [14].

Каждая страна имеет свои особенности в развитии процессов миграции. Изучению миграции в России посвящены работы Н. В. Парикова [15], Л. Л. Рыбаковского [16], О. Л. Рыбаковского [17], С. В. Рязанцева [18] и других ученых.

В последнее время проблемы миграции все чаще связывают с экономической безопасностью страны. Влияние массовых перемещений населения на экономическое развитие изучают многие российские ученые. Х. В. Вахаев, исследуя трудовую миграцию, напрямую связывает ее с национальной безопасностью страны [19]. В. А. Волох, В. А. Суворова, анализируя миграционные потоки в современной России, приходят к выводу о необходимости укрепления миграционной безопасности страны [20]. Влияние миграционных процессов на экономическую безопасность России прослеживает Т. М. Гаврилова [21]. Н. В. Дементьев предостерегает от возможных серьезных потерь для трудового потенциала, квалифицируя такую ситуацию как реальную угрозу экономической безопасности страны, и предлагает рассматривать показатель внешней трудовой миграции как индикатор при оценке экономической безопасности [22].

Исследованию рассматриваемых проблем на региональном уровне посвящены работы Л. Н. Липатовой, В. Н. Градусовой¹² [23; 24], Н. А. Пруеля¹³, С. С. Фешиной [25], М. Ю. Хавинсона, М. П. Кулакова, С. Н. Мищука [26], В. С. Цырюльникова [27], И. А. Юрасова, О. А. Лузгиной, В. Д. Дорофеева [28].

¹² Липатова Л. Н., Мокрова М. Ю. Развитие человеческого потенциала России: основные тенденции и потенциал роста // Государство и бизнес. Экосистема цифровой экономики: Материалы XI Междунар. науч.-практ. конф. СПб., 2019. С. 94–98; Липатова Л. Н., Мокрова М. Ю. Современные тенденции развития человеческого потенциала России // Россия: Тенденции и перспективы развития. Ежегодник. Вып. 14 / РАН; ИНИОН. М., 2019. Ч. 1. С. 317–322.

¹³ Пруель Н. А., Градусова В. Н., Липатова Л. Н. Статистический анализ развития человеческого потенциала современной России // Статистика в условиях формирования цифровой экономики: материалы Междунар. науч.-практ. конф. Саранск. С. 131–139.

Таким образом, современная мировая наука всесторонне изучает миграционные процессы. Однако под воздействием многих причин ситуация быстро меняется. Теоретические представления тоже нередко расходятся с реальной картиной. Так, согласно неоклассической экономической теории, оказавшей сильное влияние на теорию миграции, мигрировать должны беднейшие люди в богатейшие страны, на практике же большую часть миграционного потока формируют представители среднего класса развивающихся стран [29].

Противоречит неоклассической теории, опирающейся на постулат, что человек старается рационализировать свое поведение, максимизировать результат с минимальными затратами, и изменение направления миграции из России в пользу таких стран, как Китай, Индия, КНДР, для успешной адаптации в которых мигрантам потребуются приложить гораздо больше усилий, чем в случае переезда в благополучную европейскую страну. Это делает необходимым проведение детальных исследований в практической плоскости.

Материалы и методы. Объектом исследования стали входящий и исходящий миграционные потоки в России. При проведении исследования источниками информации послужили данные Федеральной службы государственной статистики, ее территориальных органов. Однако статистические данные характеризуют преимущественно количественную сторону изучаемых процессов. Сложность вызывает анализ возрастного состава и образовательной структуры мигрантов. Статистическая сводка не дает представления и о причинах миграции. Недостатком сложившейся системы учета миграции становится и невозможность оценить так называемую «возвратную» миграцию, являющуюся своего рода индикатором организации работы по социализации прибывающих в страну (регион) мигрантов. Отчасти восполнить недостаток статистической информации позволяют социологические исследования. В данной статье использовались экспертные оценки специалистов, исследующих миграционные перемещения и их возможные последствия.

Анализ статистического материала проведен с использованием методов демографического анализа. Для уточнения и конкретизации данных статистики применялись результаты эмпирических исследований авторитетных специалистов. На основе контент-анализа проведено обобщение большого массива литературных источников по исследуемой проблематике.

Результаты исследования. Миграция – ключевой фактор формирования населения современной России. В 2010–2012 и 2016–2017 гг. миграционный прирост не только полностью компенсировал естественную убыль, но и обеспечивал увеличение численности населения России. В 2013–2015 гг. статистика фиксировала естественный прирост населения страны, но вклад миграции в развитие народонаселения России был более

существенным: в 2013 г. коэффициент миграционного прироста был в 10,5 раза больше, чем коэффициент естественного прироста, в 2014 г. – в 9,5 раза, в 2015 г. – в 5,7 раза больше. К концу рассматриваемого периода влияние миграции на демографическую динамику России существенно ослабло: коэффициент миграционного прироста уменьшился с 2,2 на 1 000 чел. населения в 2011 г. до 0,9 на 1 000 чел. населения в 2018 г. Усилившаяся естественная убыль в 2018 г. перекрыла заметно снизившийся миграционный прирост, что привело к сокращению численности населения (табл. 1).

Т а б л и ц а 1. Компоненты изменения общей численности населения Российской Федерации в 2010–2018 гг.¹⁴

Table 1. Components of changes in the total population of the Russian Federation in 2010–2018.

Показатель / Indicator	2010	2011	2012	2013	2014
Численность населения, всего, тыс. чел. / Population, total, thousand people	142 865	142 865	143 056	143 347	143 667
Естественный прирост, убыль (-) населения / Natural increase, decrease (-) of population	-1,7	-0,9	-0,0	0,2	0,2
Миграционный прирост, убыль (-) населения / Net migration	1,9	2,2	2,1	2,1	1,9
Показатель / Indicator	2015	2016	2017	2018	
Численность населения, всего, тыс. чел. / Population, total, thousand people	146 267	146 804	146 880	146 781	
Естественный прирост, убыль (-) населения / Natural increase, decrease (-) of population	0,3	-0,01	-0,9	-1,6	
Миграционный прирост, убыль (-) населения / Net migration	1,7	1,8	1,4	0,9	

С точки зрения экономической и социальной стабильности итоги внешней миграции не вызывают серьезных опасений для России. Однако эксперты обеспокоены оттоком высококвалифицированных кадров из страны, что может ослабить ее человеческий потенциал, сказаться на развитии экономики и осложнить достижение стратегической цели – войти в пятерку крупнейших экономик мира к середине третьего десятилетия XXI в.

¹⁴ Российский статистический ежегодник. 2019. Росстат. М., 2019. С. 69.

По данным официальной статистики, исходящий из России миграционный поток в 2010–2018 гг. увеличился в 13 раз, численность прибывающих в страну граждан – в 3 раза. Основную часть международного миграционного оборота формируют граждане других государств: удельный вес этой категории в составе прибывших в Российскую Федерацию равен 64,5 %, среди выбывших – 83,0 % (2018 г.)¹⁵. В рассматриваемый период существенно расширились масштабы так называемой возвратной миграции – численность россиян, вернувшихся в родную страну, увеличилась в 1,4 раза.

Обращает на себя внимание стремительное нарастание оттока иностранных граждан из России – в рассматриваемый период численность ежегодно покидающих нашу страну иностранцев возросла в 247 раз, численность прибывающих в Россию граждан других государств – только в 9 раз (табл. 2).

Такой стремительный рост показателя за неполное десятилетие свидетельствует о резком снижении привлекательности нашей страны для граждан других государств. Это может говорить о расхождении представлений иностранных граждан о России, реальных условиях жизнедеятельности в нашей стране и определенном разочаровании, что повлияло на решение о смене места жительства. Возможно, по оценкам мигрантов, условия жизни за время их проживания в нашей стране ухудшились, что и побудило приехавших ранее иностранных граждан покинуть Россию.

Массовый исход иностранцев из России наблюдается несмотря на то, что авторитетные международные институты отмечают улучшение делового климата в стране. В частности, это подтверждают высокие позиции нашей страны в рейтинге Doing Business. Согласно последнему докладу Всемирного банка, опубликованному в конце 2019 г., Россия поднялась с 31-го на 28-е место в списке из 190 стран, по которым проводилась оценка¹⁶.

Быстро растет и численность россиян, покинувших родную страну: в 2018 г. эмигрантов было в 2,3 раза больше, чем в 2010 г. С высокой вероятностью можно предположить дальнейшее расширение этого потока. На такие мысли наводят недавно опубликованные результаты социологического исследования Левада-центра, согласно которым желающих покинуть страну в сравнении с предыдущим годом стало больше. Особенно настораживает то обстоятельство, что такой настрой выразили 53 % опрошенных в возрасте от 18 до 24 лет¹⁷.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Россия впервые вошла в топ-30 рейтинга Doing Business 2020 [Электронный ресурс]. URL: <https://lenta.ru/news/2019/10/24/db/> (дата обращения: 15.10.2019).

¹⁷ Левада-центр: 53 % молодых россиян хотят уехать из страны // Ведомости. 2019. 26 ноября.

Т а б л и ц а 2. Гражданство международных мигрантов в России в 2010–2018 гг., чел.¹⁸
 T a b l e 2. Citizenship of international migrants in the Russia in 2010–2018, people

Гражданство / Citizenship	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018
Прибывшие в Российскую Федерацию, всего / Arrivals to the Russian Federation, total в том числе / including: граждане России / citizens of Russia	191 656	356 535	417 681	482 241	578 511	598 617	575 158	589 033	565 685
из них имеют второе гражданство / of them those with a second citizenship	145 707	141 590	127 097	131 516	135 431	173 605	186 513	195 983	198 464
иностранные граждане / foreign citizens	22 385	2 491	2 098	2 047	2 157	3 729	4 076	4 394	4 676
Выбывшие из Российской Федерации, всего / People departed from the Russian Federation, total в том числе / including: граждане России / citizens of Russia	42 083	206 207	283 274	345 869	439 271	421 021	384 338	391 100	364 998
из них имеют второе гражданство / of them those with a second citizenship	33 578	36 774	122 751	186 382	308 475	353 233	313 210	377 155	440 831
иностранные граждане / foreign citizens	31 734	29 467	46 687	47 439	53 235	51 846	58 739	66 735	73 344
иностранцы, имеющие второе гражданство / of them those with a second citizenship	1 512	291	577	625	867	903	1 112	1 273	1 521
иностранные граждане / foreign citizens	1 477	6 755	74 582	137 329	251 768	298 257	250 840	306 406	364 668

¹⁸ Демографический ежегодник России. 2017: Стат. сб. / Росстат. М., 2017. 7.6; 2019. 7.6.

Отток молодежи из страны, остро нуждающейся в людях, обладающих современными знаниями, способных быстро находить и успешно осваивать новое, адаптироваться к изменяющимся условиям, может серьезно ограничить возможности инновационного развития. Опасность для России представляет молодежная эмиграция в ближайшие годы, поскольку к трудовой деятельности приступает малочисленное поколение родившихся в конце 1990-х гг. – начале первого десятилетия 2000-х гг. Неизбежный рост среднего возраста занятых в экономике России вследствие повышения пенсионного возраста и отток из страны талантливой образованной молодежи могут замедлить разработку и внедрение в производство новых технологий.

В последние годы самым популярным направлением миграционного обмена России со странами дальнего зарубежья был Китай: в 2018 г. на эту страну приходилось около 13 % совокупного оборота миграции с государствами дальнего зарубежья. Интенсивный обмен осуществлялся также с Грузией и Индией (по 9 %), Германией и КНДР (по 7 %), Вьетнамом (6 % миграционного оборота со странами дальнего зарубежья)¹⁹.

Учитывая языковую и культурную специфику таких активно развивающихся направлений миграции, как Китай, КНДР, Индия, Вьетнам, а также темпы расширения миграционных потоков, можно предположить, что осваивает их в основном молодежь. Современная молодежь, как правило, легко адаптируется к новым, порой даже экзотическим, условиям, знает несколько языков, проявляет интерес к восточной культуре.

Отток из России высококвалифицированных кадров, молодых и предприимчивых граждан может негативно сказаться на экономическом развитии страны, успехи которой в мировой конкурентной борьбе во многом зависят от масштабов и скорости внедрения в производство достижений научно-технического прогресса, что во всем мире принято ассоциировать с талантливой молодежью.

Специалисты выражают обеспокоенность так называемой утечкой умов из России, а данные Росстата считают сильно заниженными. Так, Н. Мкртчян и Ю. Флоринская со ссылкой на данные миграционной статистики иностранных государств, утверждают, что в настоящее время за рубежом живут около 2,7 млн выходцев из России, из них 1,5 млн чел. имеют российское гражданство. В числе основных причин эмиграции выделяют учебу в магистратуре или аспирантуре, трудовую деятельность (в том числе по «голубой карте» для квалифицированных специалистов), воссоединение с семьей. Несмотря на действующую программу привлечения квалифицированных иностранных кадров, миграция

¹⁹ Демографический ежегодник России. 2018: Стат. сб. / Росстат. М., 2018. 7.2.

в Россию, по мнению Н. Мкртчяна и Ю. Флоринской, не компенсирует отток высококвалифицированных специалистов²⁰.

Влияние миграции на качество трудового потенциала страны осуществляется и по другому каналу. Серьезный урон может нанести не только сам отток интеллектуальных ресурсов, но и возможное снижение общего уровня развития науки и образования вследствие эмиграции ученых, многие из которых уезжают из страны из-за недостаточного финансирования школ, университетов и проведения научных исследований. Невысокими пока остаются и социальный статус и уровень оплаты труда российских ученых.

Некоторые эксперты, в частности И. В. Карпова, выделяют и такую угрозу со стороны миграции, как отток за рубеж отечественных предпринимателей [30; 31]. Это подтверждают и результаты опроса, проведенного московской компанией «Агентство Контакт», согласно которым каждый шестой из 467 топ-менеджеров российских и международных компаний, принявших участие в исследовании, имел планы в ближайшие два года сменить место работы и переехать в другую страну. Наиболее часто респонденты говорили о желании обосноваться в США, Германии, Великобритании (опрос был проведен в мае 2017 г.)²¹.

Прогнозы Росстата по миграции допускают как сокращение миграционного прироста в 2020–2036 гг. в 1,5 раза (низкий вариант), так и его увеличение на 32 % (средний вариант) и даже на 70 % (высокий вариант). Миграционный прирост в 2035 г. может составить от 100,5 тыс. до 462,5 тыс. чел.²². Укрепление трудового потенциала за счет мигрантов маловероятно. Росстат данных об образовании и профессионально-квалификационном составе не публикует. Эксперты же считают, что в мировой борьбе по привлечению ученых и специалистов Россия уступает странам Запада, и миграция в нашу страну не компенсирует отток высококвалифицированных специалистов²³.

В таких условиях важнейшей задачей государства является реализация комплекса мер, направленных на предотвращение массового оттока из страны ученых и высококлассных специалистов, создание условий для реализации их творческого потенциала, повышение престижа ученых, вовлечение молодежи в науку.

²⁰ Мкртчян Н., Флоринская Ю. Квалифицированная миграция в России: баланс потерь и приобретений // Мониторинг экономической ситуации в России. 2018. № 1 (62). С. 15–18.

²¹ Более 40 % топ-менеджеров сообщили о планах уехать из России [Электронный ресурс]. URL: <https://www.rbc.ru/economics/06/06/2016/575597df9a7947f5eceacb1e> (дата обращения: 05.11.2019).

²² Демографический ежегодник России. 2019: Стат. сб. / Росстат. М., 2019. 8.1.

²³ Эмиграция из России – куда и почему уезжают граждане РФ? [Электронный ресурс]. URL: <http://passus.ru/migratsiya/emigratsiya-iz-rossii-statistika-po-godam.html>; «Лекарства от утечки умов нет и не будет». Из России бегут профессионалы. Они не хотят прозябать на родине [Электронный ресурс]. URL: <https://lenta.ru/articles/2018/06/18/poravalit/>; Утечка мозгов из России ускорилась [Электронный ресурс]. URL: https://lenta.ru/news/2018/01/23/brain_drain/ (дата обращения: 15.10.2019).

Кроме воздействия на экономическую систему государства международная миграция может повлиять и на социальную ситуацию в стране или отдельном ее регионе. Большая часть ежегодно прибывающих в Россию иностранных мигрантов – выходцы из стран СНГ (более 89 % в 2018 г.). На славянские государства Украину и Беларусь приходится менее 29 % этого потока, 14 % составляют граждане Таджикистана, 12,5 – Казахстана, 12 % – Узбекистана²⁴.

Жители Российской Федерации достаточно скептически относятся к перспективам интеграции мигрантов. Широко распространена точка зрения, что мигранты игнорируют общепринятые образцы и традиции принимающего сообщества, а их интеграционные настроения и ожидания часто контрастируют с настроениями стороны-реципиента, что дестабилизирует общество. Такое отношение не лишено оснований, ибо миграция населения может генерировать целый спектр сложных проблем, включая столкновение культур, общеуголовную и этническую преступность, религиозный экстремизм и терроризм.

Из социальных проблем выделяются, во-первых, потенциальная возможность роста ксенофобских настроений среди жителей страны и связанное с этим увеличение числа жертв от действий мигрантов, что вызывает мигрантофобию среди местного населения. Во-вторых, порождение широко распространенного убеждения угрозы социальной стабильности, исходящей от мигрантов, провоцирует размывание культурного ядра локального сообщества, привносятся чуждые традиции и нормы поведения. В-третьих, мигранты нового поколения отличаются низким уровнем образования и квалификации, в том числе плохим знанием русского языка.

Для сохранения социальной стабильности и предотвращения конфликтов на национальной и религиозной почве при реализации государственной политики необходимо учитывать национальную структуру прибывающих в страну мигрантов. Это требует неотложных мер по созданию универсальной модели социальной адаптации и интеграции мигрантов в российское общество.

Перераспределение населения внутри страны на численность населения не влияет, но может привести к значительным потерям. Вследствие межрегиональной миграции может снизиться качество совокупного трудового потенциала страны. Многие люди с хорошим образованием покидают родные, но бедные регионы, а перебравшись в крупные города, могут рассчитывать только на низкоквалифицированную работу (охранника, таксиста, менеджера по продажам и пр.). Таким образом, человек постепенно утрачивает профессиональные компетенции, сформированные

²⁴ Демографический ежегодник России. 2019: Стат. сб. / Росстат. М., 2019. 7.6.

за время обучения, а государство теряет специалиста и потраченные на его подготовку средства.

Поток внутренних мигрантов в России в 2010–2018 гг. увеличился в 2,3 раза и достиг 4,3 млн чел. Массовые перемещения людей могут внести серьезные коррективы в систему социально-экономического управления как на принимающих территориях, так и в регионах исхода. Вследствие оттока молодежи и специалистов может пострадать человеческий потенциал региона [32]. Массовый приток мигрантов создает дополнительную нагрузку для транспортной и социальной инфраструктуры; может осложниться и криминогенная ситуация.

Наибольшая часть миграционного оборота приходится на Центральный федеральный округ (ЦФО) – 28 % прибывших и 25 % выбывших. Большой частью миграционные процессы происходят в пределах данного округа (76 %). В регионы Приволжского федерального округа (ПФО) переехали 6 % мигрантов из ЦФО, в Северо-Западный федеральный округ (СЗФО) – 5,5, в южные регионы устремились 5 % общей численности выбывших из ЦФО. По 2 % мигрантов из центра России предпочли переезд в северокавказские, сибирские и уральские регионы страны. Наименее популярное направление – Дальний Восток, на переезд в данный регион решились 1,4 % мигрантов из ЦФО²⁵.

Большой вклад в перераспределение населения внутри страны принадлежит Приволжскому федеральному округу (ПФО). В 2018 г. из общей численности внутренних мигрантов более 19 % – выходцы с территории этого округа. Из общей численности выбывших 70 % остаются в границах ПФО, 14 – переселяются в регионы ЦФО, по 5 – выбирают Северо-Запад и Урал, 3 % – южные территории страны. В регионы других федеральных округов направляются менее 3 % жителей ПФО.

На регионы Сибирского федерального округа (СФО) в 2018 г. приходилось 13 % исходящего потока и 12 % общей численности прибывших. Жители Сибири, меняя место жительства, в большинстве случаев переезжают в другие регионы этого же федерального округа (75 %), а также в ЦФО (7 % выбывших из СФО), Южный, Северо-Западный, Дальневосточный федеральные округа (по 4 %). Уральские регионы привлекательны для 3 % переселенцев из СФО, еще 2 % предпочли для жизни приволжские территории, менее 1 % – регионы Северного Кавказа.

Значительную миграционную активность проявляют и жители Северо-Западного федерального округа (СЗФО): в исходящем потоке на регионы этого округа приходится 12 % общей численности переселяющихся внутри страны. Территория СЗФО в 2018 г. стала новым местом жительства для 13 % внутренних мигрантов. Около 70 % выбывших из

²⁵ Российский статистический ежегодник: Стат. сб. / Росстат. М., 2019. С. 112.

регионов СЗФО остались в границах округа, 12 – предпочли центральные регионы, 6 – Поволжье, 5 – южные территории России, по 2 % – перебрались в сибирские и уральские регионы. Реже всего жители Северо-Запада переезжают в регионы Северного Кавказа – на это направление приходится менее 2 % мигрантов из СЗФО.

Южный федеральный округ (ЮФО) в исходящем миграционном потоке представлен 9 %, во входящем – 10 % общей численности выбывших. Перераспределение населения внутри федерального округа формирует 60 % объема миграции. Среди других субъектов Российской Федерации жители южных территорий наиболее часто выбирают центральные регионы страны – 17 %, Северо-Запад – 6, Северный Кавказ – 5, Поволжье – 4, Урал и Сибирь – по 3, Дальний Восток – 2 % (по данным 2018 г.).

Уральские регионы формируют 9 % исходящего потока, а принимают на своей территории 8 % внутрироссийских мигрантов. 66 % сменивших место жительства жителей Уральского федерального округа (УФО) остаются в его границах, 10 – переезжают в ПФО, 8 – в центральные, 5,5 – в южные регионы, по 4 – в СЗФО и СФО, 2 – в регионы Северного Кавказа, 1 % – на Дальний Восток.

На регионы Дальневосточного федерального округа (ДФФО) приходится 8 % общей численности выбывших и 7 % прибывших. 68 % дальневосточных жителей выбрали для переселения другие территории ДВФО, по 8 – переехали в центральные и сибирские регионы страны, по 6 % – в СЗФО и ЮФО. Далее по убывающей идут ПФО (около 3 % общей численности выбывших), УФО (1 %) и Северный Кавказ (менее 1 % общей численности выбывших с территории ДВФО).

На Северо-Кавказские регионы приходится наименьшая часть общего объема как входящего (чуть более 4 % прибывших), так и исходящего (около 5 % выбывших) миграционных потоков. Жители Северо-Кавказского федерального округа (СКФО) чаще, чем другие решившиеся на переезд россияне, выезжают за пределы своего округа: удельный вес мигрантов, переселившихся в другие регионы России, составляет 50,5 % общей численности выбывших из федерального округа. Около 20 % выходцев с Северного Кавказа устремляются в регионы федерального центра, еще 12 – на юг страны, 7 – в СЗФО, 5 – УФО, 3 – в Поволжье, 2 – в Сибирь, 1 % – переезжают на российский Дальний Восток.

Итогом такого распределения населения становится значительная миграционная нагрузка одних регионов и демографические потери других. Так, по данным таблицы 3, ЦФО и СЗФО многие годы испытывают миграционный прирост на уровне 5–7 чел. на 1 000 чел. населения, который во многих странах расценивается как угроза социально-экономической стабильности государства.

Т а б л и ц а 3. Коэффициенты миграционного прироста, на 10 000 чел. населения, 2005, 2010–2018 гг.²⁶

Table 3. Migration growth rates per 10,000 population, 2005, 2010–2018

Регион / Region	2005	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018
Российская Федерация / Russian Federation	20	19	22	21	21	19	17	18	14	9
Центральный федеральный округ / Central Federal District	101	74	56	62	60	56	57	45	51	47
Северо-Западный федеральный округ / North-western Federal District	27	51	50	58	72	41	16	41	55	36
Южный федеральный округ / Southern Federal District	32	21	43	27	45	34	51	48	27	30
Северо-Кавказский федеральный округ / North Caucasian Federal District	2	4	-34	-41	-40	-21	-26	-21	-26	-26
Приволжский федеральный округ / Volga Federal District	-8	-12	-4	-6	-5	-2	-8	-5	-12	-22
Уральский федеральный округ / Ural Federal District	-26	-12	31	19	3	7	3	12	0,3	-5
Сибирский федеральный округ / Siberian Federal District	-42	-18	1	-4	-8	-4	-5	-7	-16	-17
Дальневосточный федеральный округ / Far Eastern Federal District	-70	-49	-28	-32	-53	-40	-39	-28	-28	-40

²⁶ Регионы России: Стат. сб. / Росстат. М., 2019. С. 91–92.

В ряде регионов миграционный прирост гораздо выше обозначенных в таблице значений, и такая ситуация продолжает сохраняться. Наибольшая миграционная нагрузка приходится на следующие регионы: Ленинградская область (239 чел. на 10 000 чел. населения), г. Севастополь (176 чел.), Московская область (140 чел.), Тюменская область без автономных округов (104 чел.), Калининградская область (95 чел.), Краснодарский край (85 чел.), г. Москва (79 чел.), г. Санкт-Петербург (52 чел.) (2018 г.)²⁷. Сильное негативное влияние на формирование населения и трудовых ресурсов оказывает миграция в следующих субъектах федерации: Архангельской, Мурманской, Оренбургской, Курганской областях, Республике Северная Осетия – Алания, Забайкальском крае – в перечисленных регионах ежегодные миграционные потери превышают 0,5 % населения. В последние годы к ним присоединилась и Омская область²⁸.

Усугубляемая миграцией демографическая динамика может оказать негативное влияние на возможности инновационного развития российской экономики. Перевод экономики на инновационный путь развития требует прилива молодых сил, обладающих самыми новыми знаниями, не обремененных штампами, способных быстро осваивать достижения науки, мыслить и действовать креативно. Это требует детального анализа миграционных потоков и внесения корректив в региональную социально-экономическую политику, учитывающих возрастно-половой и национальный состав прибывающих мигрантов, их образовательный и профессиональный уровень. Необходимо также наладить социальное сопровождение семей с детьми, обеспечить доступность услуг в сфере образования и здравоохранения. Если местное население не почувствует ухудшения ситуации на рынке труда и в социальной сфере из-за присутствия на своей территории приезжих, а мигранты не будут ощущать на себе не только косые взгляды, но и дискриминационные меры, а смогут на равных с местными жителями пользоваться услугами социальной сферы, значит в регионе реализуется эффективная политика в отношении мигрантов, не ущемляющая прав коренного населения.

Под определенный контроль следует взять миграцию молодежи, которая в последние годы усилилась. Политические и социально-экономические изменения последних десятилетий предоставили людям возможность покинуть родные места и переехать в другие города и за границу. Способствуют активизации миграционных потоков и такие факторы, как отмена института «прописки», наличие относительно дешевых и быстрых способов перемещения, доступных средств коммуникации.

²⁷ Российский статистический ежегодник: Стат. сб. / Росстат. М., 2019. С. 91–92.

²⁸ Регионы России: Социально-экономические показатели: Стат. сб. / Росстат. М., 2019. С. 91–92.

Решиться на переезд молодежь побуждает желание получить хорошо оплачиваемую работу. При этом они часто опираются на информацию, полученную от знакомых, сделавших такой шаг ранее. Современные информационные технологии, которыми большинство молодых людей уверенно владеют, позволяют им получить необходимую информацию, а возможно и установить деловые контакты еще на стадии подготовки решения о переезде, что ускоряет его принятие. Поэтому в настоящее время поток молодых мигрантов из бедных регионов РФ с целью поиска достойной работы возрастает.

Среди молодых людей наибольшую подвижность проявляют студенты. Уезжая на учебу в другой город, многие совмещают обучение с временной работой, которая впоследствии часто трансформируется в постоянную занятость. Кроме того, сезонная миграция студентов в период каникул (студенческие отряды, программы обмена, летние школы, стажировки и т. п.) также предоставляет шансы для последующего трудоустройства.

Для закрепления молодежи в регионах необходима разработка комплекса мер, направленных на создание условий для самореализации молодежи, применения творческого потенциала молодых людей в интересах развития конкретной территории. Большая роль в этом должна отводиться молодежным политическим программам и общественным объединениям, помогающим молодым людям сформировать и реализовать здоровые представления о жизни и карьере. Их основная задача – способствовать формированию у молодых людей здорового мировоззрения и отношения к обществу и собственной жизни, развитых и реалистичных представлений о профессиональной карьере, на конкретных примерах демонстрировать возможности для интересной и насыщенной событиями и собственными достижениями жизни в родном регионе. Традиционные менторские подходы для этого малоэффективны, поскольку молодежь везде и во все времена склонна не доверять опыту предшествующих поколений и стремится самостоятельно, падая и ошибаясь, выстраивать линию своей жизни.

Решить проблему с трудоустройством выпускников может адресное распределение их на преддипломную практику. Такой шаг поможет молодым специалистам получить драгоценный опыт работы, выработать трудовые навыки, научиться взаимодействовать с другими сотрудниками трудового коллектива. Для потенциального работодателя такое распределение позволило бы сделать правильный выбор и обеспечить обновление кадрового состава организации с минимальными рисками и без потерь, связанных с адаптацией работника на новом месте.

Обсуждение и заключение. В статье на основе анализа данных официальной статистики и экспертных оценок выявлены основные угрозы экономической безопасности и социальной стабильности со

стороны миграционных процессов, а также предложен комплекс мер, направленных на оптимизацию миграционных процессов и минимизацию связанных с ними экономических и социальных потерь.

Миграционные потоки в России в последнее десятилетие усилились: причем возросла не только межрегиональная, но и международная мобильность россиян. Большинство российских регионов испытывают миграционный отток: в 2018 г. таких субъектов Федерации было 68. В последние годы наибольшее негативное влияние миграция оказала на развитие народонаселения следующих российских регионов: Магаданской области, Еврейской, Чукотской автономных областей, Республики Коми, Республики Калмыкия. В перечисленных регионах миграционный отток на протяжении длительного периода ежегодно сокращает численность жителей на 1 % населения и более.

Если для Дальнего Востока отток населения – явление не новое и вызвано сложными условиями жизни и хозяйствования, то для республик Северного Кавказа это не типично. Национальные традиции и семейные связи обычно способствуют закреплению населения. Однако в последние годы почти для всех северокавказских республик (за исключением Ингушетии) характерен значительный миграционный отток населения. Количественной оценки этих процессов недостаточно. Для выявления причин высокой территориальной подвижности жителей СКФО требуется проведение детальных социологических исследований.

Практическая значимость проведенного исследования заключается в возможности применения полученных результатов и предложений авторов по оптимизации миграционных потоков и минимизации связанных с массовыми перемещениями людей экономических и социальных потерь в практике управления.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Massey, D. A Synthetic Theory of International Migration / D. Massey. – Текст: непосредственный // World in the Mirror of International Migration. – 2002. – Vol. 10. – Pp. 143–153.

2. Migration Theory. Talking across Disciplines / Edited by C. B. Brettell, J. F. Hollield. – New York : Routledge, 2000. – 224 p. – URL: <https://www.amazon.com/Migration-Theory-Talking-across-Disciplines/dp/0415954274> (дата обращения: 08.10.2019).

3. Sassen, S. Regulating Immigration in a Global Age: A New Policy Landscape / S. Sassen. – DOI 10.1080/1353464052000321083 // Parallax. – 2005. – Vol 11, issue 1. – Pp. 35–45. – URL: <https://www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/1353464052000321083> (дата обращения: 08.10.2019).

4. Bijedić, T. Different Strokes for Different Folks: The Job Satisfaction of the Self-Employed and the Intersection of Gender and Migration Background / T. Bijedić,

A. Piper. – DOI 10.1108/IJGE-01-2019-0021 // International Journal of Gender and Entrepreneurship. – 2019. Vol. 11, issue 3. – Pp. 227–247. – URL: https://www.researchgate.net/publication/334093565_Different_strokes_for_different_folks_The_job_satisfaction_of_the_self-employed_and_the_intersection_of_gender_and_migration_background (дата обращения: 08.10.2019).

5. Hughes, C. Reexamining the Influence of Conditional Cash Transfers on Migration From a Gendered Lens / C. Hughes. – DOI 10.1007/s13524-019-00815-0 // Demography. – 2019. – Vol. 56. – Pp. 1573–1605. URL: <https://link.springer.com/article/10.1007%2Fs13524-019-00815-0> (дата обращения: 08.10.2019).

6. Holliday, J. Achieving the Sustainable Development Goals: Surfacing the Role for a Gender Analytic of Migration / J. Holliday, J. Hennebray, S. Gammage. – DOI 10.1080/1369183X.2018.1456720 // Journal of Ethnic and Migration Studies. – 2019. – Vol. 45, issue 14. – Pp. 2551–2565. – URL: <https://www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/1369183X.2018.1456720> (дата обращения: 08.10.2019).

7. Adugna, G. Migration Patterns and Emigrants' Transnational Activities: Comparative Findings from Two Migrant Origin Areas in Ethiopia / G. Adugna. – DOI 10.1186/s40878-018-0107-1 // Comparative Migration Studies. – 2019. – Vol. 7, article 5. – URL: <https://link.springer.com/article/10.1186/s40878-018-0107-1> (дата обращения: 08.10.2019).

8. Rural Unemployment Pushes Migrants to Urban Areas in Jiangsu Province, China / H. Lyu, Z. Dong, M. Roobavannan [et al.]. – DOI 10.1057/s41599-019-0302-1 // Palgrave Communications. – 2019. – Vol. 5, article 92. – URL: <https://www.nature.com/articles/s41599-019-0302-1> (дата обращения: 08.10.2019).

9. Identifying Psychological Resilience in Chinese Migrant youth Through Multidisciplinary Language Pattern Decoding / S. Li, S. Lu, S. Ni, K. Peng. – DOI 10.1016/j.childyouth.2019.104506 // Children and Youth Services Review. – 2019. – Vol. 107C. – URL: <https://ideas.repec.org/a/eee/cysrev/v107y2019ics0190740919306747.html> (дата обращения: 08.10.2019).

10. Juchem Neto, J. P. Returns to Scale in a Spatial Solow–Swan Economic Growth Model / J. P. Juchem Neto, J. C. R. Claeysen, S. S. Pôrto Júnior. – DOI 10.1016/j.physa.2019.122055 // Physica A: Statistical Mechanics and its Applications. – 2019. – Vol. 533, article 122055. – URL: <https://ui.adsabs.harvard.edu/abs/2019PhyA..53322055J/abstract> (дата обращения: 08.10.2019).

11. Navarro, A. RUSEM: A Numerical Model for Policymaking and Climate Applications / A. Navarro, F. J. Tapiador. – DOI 10.1016/j.ecolecon.2019.106403 // Ecological Economics. – 2019. – Vol. 165, article 106403. – URL: <https://ideas.repec.org/a/eee/ecolec/v165y2019ic21.html> (дата обращения: 08.10.2019).

12. Academic Achievement and Mental Health of Left-Behind Children in Rural China: A Causal Study on Parental Migration / L. Wang, Y. Zheng, G. Li [et al.]. – DOI 10.1108/CAER-09-2018-0194 // China Agricultural Economic Review. – 2019. – Vol. 11, no. 4. – Pp. 569–582. – URL: <https://www.emerald.com/insight/content/doi/10.1108/CAER-09-2018-0194/full/html> (дата обращения: 08.10.2019).

13. Bryan, G. The Aggregate Productivity Effects of Internal Migration: Evidence from Indonesia / G. Bryan, M. Morten. – DOI 10.1086/701810 // Journal of Political Economy. – 2019. – Vol. 127, no. 5. – Pp. 2229–2268. – URL: <https://www.journals.uchicago.edu/doi/abs/10.1086/701810?mobileUi=0&> (дата обращения: 08.10.2019).

14. Social-Ecological Change in the Omo-Turkana Basin: A Synthesis of Current Developments / J. Hodbod, E. G. J. Stevenson, G. Akall G. [et al.]. – DOI 10.1007/s13280-018-1139-3 // *Ambio*. – 2019. – Vol. 48. – Pp. 1099–1115. – URL: <https://link.springer.com/article/10.1007/s13280-018-1139-3> (дата обращения: 08.10.2019).

15. Парикова, Н. Миграционная привлекательность российских регионов / Н. Парикова // *Человек и труд*. – 2012. – № 5. – С. 51–54. – URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=18841141> (дата обращения: 08.10.2019).

16. Рыбаковский, Л. Л. Миграционная политика в контексте национальных интересов России / Л. Л. Рыбаковский // *Уровень жизни населения регионов России*. – 2011. – № 12. – С. 35–43. – URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=17100554> (дата обращения: 08.10.2019).

17. Рыбаковский, О. Л. Межрегиональная миграция населения (По материалам отечественной и зарубежной науки) / О. Л. Рыбаковский // *Социологические исследования*. – 2011. – № 4. – С. 34–44. – URL: https://www.isras.ru/socis_2011_04.html (дата обращения: 08.10.2019).

18. Рязанцев, С. России нужна новая миграционная политика / С. Рязанцев // *Международные процессы*. – 2012. – Т. 10, № 1. – С. 111–116. – URL: <http://intertrends.ru/rubrics/dvloe-russkih-tri-mneniya/journals/ideya-i-struktura-v-mirosistemnoy-evolyutsii/articles/rossii-nuzhna-novaya-migratsionnaya-politika> (дата обращения: 08.10.2019).

19. Вахаев, Х. М. Трудовая миграция и национальная безопасность России / Х. М. Вахаев, С. В. Алексеев // *Право и безопасность*. – 2011. – № 3-4. – С. 76–86. – URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=17714733> (дата обращения: 08.10.2019).

20. Волох, В. А. Концепция государственной миграционной политики России – основа миграционной безопасности страны / В. А. Волох, В. А. Суворова. – DOI 10.7256/2306-0417.2013.3.713 // *NB: Национальная безопасность*. – 2013. – № 3. – С. 1–16. – URL: http://author.nbpublish.com/etc/article_713.html (дата обращения: 08.10.2019).

21. Гаврилова, Т. М. Влияние миграционных процессов на экономическую безопасность России / Т. М. Гаврилова // *Национальные интересы: приоритеты и безопасность*. – 2011. – № 27. – С. 67–74. – URL: <https://www.fin-izdat.ru/journal/national/detail.php?ID=41855> (дата обращения: 08.10.2019).

22. Дементьев, Н. В. Внешняя трудовая миграция как индикатор экономической безопасности России / Н. В. Дементьев // *Социально-экономические явления и процессы*. – 2011. – № 7. – С. 38–41. – URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=17251262> (дата обращения: 08.10.2019).

23. Липатова, Л. Н. Развитие человеческого потенциала России: основные достижения и угрозы / Л. Н. Липатова, В. Н. Градусова. – DOI 10.15507/2413-1407.106.027.201902.310-329 // *Регионоведение*. – 2019. – Т. 27, № 2. – С. 310–329. – URL: <http://regionsar.ru/ru/node/1780> (дата обращения: 08.10.2019).

24. Липатова, Л. Н. Влияние миграции на формирование трудового потенциала населения / Л. Н. Липатова, Д. М. Лещев, В. Н. Градусова // *Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве РМ*. – 2014. – № 1. – С. 106–119. – URL: <http://niign.ru/izdatelskaya-deyatelnost/nauchnie-jurnaly/2009/2014> (дата обращения: 08.10.2019).

25. Фешина, С. С. Трудовая миграция и проблема инновационного развития северо-западного региона России / С. С. Фешина, А. С. Славянов // *Национальные*

интересы: приоритеты и безопасность. – 2013. – № 24. – С. 38–43. – URL: <https://www.fin-izdat.ru/journal/national/detail.php?ID=57347> (дата обращения: 08.10.2019).

26. Хавинсон, М. Ю. Прогнозирование динамики внешней трудовой миграции на региональном уровне / М. Ю. Хавинсон, М. П. Кулаков, С. Н. Мишук // Проблемы прогнозирования. – 2013. – № 2. – С. 99–111. – URL: <https://ecfor.ru/publication/prognozirovanie-dinamiki-vneshnej-trudovoj-migratsii/> (дата обращения: 08.10.2019).

27. Цырюльников, В. С. Маятниковая миграция в контексте управления движением трудовых ресурсов: проблемы и перспективы (по материалам Московского региона) / В. С. Цырюльников // Управление персоналом и интеллектуальными ресурсами в России. – 2013. – Т. 2, № 1. – С. 52–53. – URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=19084682> (дата обращения: 08.10.2019).

28. Юрасов, И. А. Структура трудовой миграции в регионах России / И. А. Юрасов, О. А. Лузгина, В. Д. Дорофеев // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. – 2012. – № 4. – С. 74–79. – URL: https://izvuz_on.pnзgu.ru/on10412 (дата обращения: 08.10.2019).

29. Deleva, Z. Conceptualizing Migration in Europe: Selected Theoretical Approaches / Z. Deleva ; Institute of European Studies and International Relations Faculty of Social and Economic Sciences Comenius University Working Paper. – Текст : непосредственный. – 2010. – No. 4. – Pp. 3–40.

30. Карпова, И. В. Трудовая миграция и развитие бизнес-процессов в России / И. В. Карпова // Лизинг. – 2013. – № 4. – С. 30–41. – URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=18867979> (дата обращения: 08.10.2019).

31. Карпова, И. В. Трудовая миграция и национальный бизнес // Лизинг. – 2011. – № 3. – С. 34–44. – URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=19060446> (дата обращения: 08.10.2019).

32. Воробьева, Е. Г. Угрозы экономической безопасности сельскохозяйственной отрасли Республики Мордовия / Е. Г. Воробьева, И. Г. Кильдюшкина. – DOI 10.15507/2413-1407.106.027.201902.246-269 // Регионология. – 2019. – Т. 27, № 2. – С. 246–269. – URL: <http://regionsar.ru/node/1774> (дата обращения: 08.10.2019).

Поступила 25.10.2019; принята к публикации 18.12.2019; опубликована онлайн 31.03.2020.

Об авторах:

Пруель Николай Александрович, заведующий кафедрой социального управления и планирования ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет» (199034, Россия, г. Санкт-Петербург, Университетская набережная, д. 7-9), доктор социологических наук, профессор, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1468-1145>, pruijel@mail.ru

Липатова Людмила Николаевна, профессор кафедры экономики Северо-Западного института управления ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации» (199178, Россия, г. Санкт-Петербург, Васильевский остров, Средний проспект, д. 57/43), доктор социологических наук, кандидат экономических наук, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9357-6708>, ln.lipatova@yandex.ru

Градусова Валентина Николаевна, доцент кафедры менеджмента Северо-Западного института управления ФГБОУ ВО «Российская академия народного

хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации» (199178, Россия, г. Санкт-Петербург, Васильевский остров, Средний проспект, д. 57/43), кандидат экономических наук, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0829-4555>, vgradusova@gmail.com

Заявленный вклад авторов:

Пруель Николай Александрович – определение замысла статьи и методологии исследования.

Липатова Людмила Николаевна – сбор и обработка информации; подготовка начального варианта текста; критический анализ и доработка текста.

Градусова Валентина Николаевна – сбор и обработка информации; визуализация и представление данных в тексте; компьютерные работы; доработка текста.

Для цитирования:

Пруель, Н. А. Миграция в современной России: масштабы, основные направления и проблемы / Н. А. Пруель, Л. Н. Липатова, В. Н. Градусова. – DOI 10.15507/2413-1407.110.028.202001.133-158 // Регионология. – 2020. – Т. 28, № 1. – С. 133–158.

Все авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

REFERENCES

1. Massey D. A Synthetic Theory of International Migration. *World in the Mirror of International Migration*. 2002; 10:143-153. (In Eng.)
2. Migration Theory. Talking across Disciplines / Edited by C.B. Brettell, J.F. Hollield. New York: Routledge; 2000. Available at: <https://www.amazon.com/Migration-Theory-Talking-across-Disciplines/dp/0415954274> (accessed 08.10.2019). (In Eng.)
3. Sassen S. Regulating Immigration in a Global Age: A New Policy Landscape. *Parallax*. 2005. 11(1):35-45. (In Eng.) DOI: <https://doi.org/10.1080/1353464052000321083>
4. Bijedić T., Piper A. Different Strokes for Different Folks: The Job Satisfaction of the Self-Employed and the Intersection of Gender and Migration Background. *International Journal of Gender and Entrepreneurship*. 2019; 11(3):227-247. (In Eng.) DOI: <https://doi.org/10.1108/IJGE-01-2019-0021>
5. Hughes C. Reexamining the Influence of Conditional Cash Transfers on Migration From a Gendered Lens. *Demography*. 2019; 56:1573-1605. (In Eng.) DOI: <https://doi.org/10.1007/s13524-019-00815-0>
6. Holliday J., Hennebry J., Gammage S. Achieving the Sustainable Development Goals: Surfacing the Role for a Gender Analytic of Migration. *Journal of Ethnic and Migration Studies*. 2019; 45(14):2551-2565. (In Eng.) DOI: <https://doi.org/10.1080/1369183X.2018.1456720>
7. Adujna G. Migration Patterns and Emigrants' Transnational Activities: Comparative Findings from Two Migrant Origin Areas in Ethiopia. *Comparative Migration Studies*. 2019; 7. (In Eng.) DOI: <https://doi.org/10.1186/s40878-018-0107-1>
8. Lyu H., Dong Z., Roobavannan M., Kandasamy J., Pande S. Rural Unemployment Pushes Migrants to Urban Areas in Jiangsu Province, China. *Palgrave Communications*. 2019; 5. (In Eng.) DOI: <https://doi.org/10.1057/s41599-019-0302-1>

9. Li S., Lu S., Ni S., Peng K. Identifying Psychological Resilience in Chinese Migrant Youth through Multidisciplinary Language Pattern Decoding. *Children and Youth Services Review*. 2019; 107C. (In Eng.) DOI: <https://doi.org/10.1016/j.chilidyouth.2019.104506>

10. Juchem Neto J.P., Claeysen J.C.R., Pôrto Júnior S.S. Returns to Scale in a Spatial Solow–Swan Economic Growth Model. *Physica A: Statistical Mechanics and its Applications*. 2019; 533. (In Eng.) DOI: <https://doi.org/10.1016/j.physa.2019.122055>

11. Navarro A., Tapiador F.J. RUSEM: A Numerical Model for Policymaking and Climate Applications. *Ecological Economics*. 2019; 165. (In Eng.) DOI: <https://doi.org/10.1016/j.ecolecon.2019.106403>

12. Wang L., Zheng Y., Li G., Abbey C., Rozelle S. Academic Achievement and Mental Health of Left-Behind Children in Rural China: A Causal Study on Parental Migration. *China Agricultural Economic Review*. 2019; 11(4):569-582. (In Eng.) DOI: <https://doi.org/10.1108/CAER-09-2018-0194>

13. Bryan G., Morten M. The Aggregate Productivity Effects of Internal Migration: Evidence from Indonesia. *Journal of Political Economy*. 2019; 127(5):2229-2268. (In Eng.) DOI: <https://doi.org/10.1086/701810>

14. Hodbod J., Stevenson E.G.J., Akall G., Rodgers C., Tebbs E. Social-Ecological Change in the Omo-Turkana Basin: A Synthesis of Current Developments. *Ambio*. 2019; 48:1099-1115. (In Eng.) DOI: <https://doi.org/10.1007/s13280-018-1139-3>

15. Parikova N. [Migration Attractiveness of Russian Regions]. *Chelovek i trud = Man and Labor*. 2012; (5):51-54. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=18841141> (accessed 08.10.2019). (In Russ.)

16. Rybakovskiy L.L. [Migration Policy in the Context of National Interests of Russia]. *Uroven zhizni naseleniya regionov Rossii = Living Standards of the Population in the Regions of Russia*. 2011; (12):35-43. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=17100554> (accessed 08.10.2019). (In Russ.)

17. Rybakovskiy O.L. Inter-Regional Migrations (Scholarly Publications in Russia and the World). *Sotsiologicheskie issledovaniya = Sociological Studies*. 2011; (4):34-44. Available at: https://www.isras.ru/socis_2011_04.html (accessed 08.10.2019). (In Russ.)

18. Ryazantsev S. Russia Needs a New Migration Concept. *Mezhdunarodnye protsessy = International Trends*. 2012; 10(1):111-116. Available at: <http://intertrends.ru/rubrics/dvoe-russkih-tri-mneniya/journals/ideya-i-struktura-v-mirosistemnoy-evolyutsii/articles/rossii-nuzhna-novaya-migratsionnaya-politika> (accessed 08.10.2019). (In Russ., abstract in Eng.)

19. Vakhaev Kh.M., Alekseev S.V. Labour Migration and the National Security of Russia. *Pravo i bezopasnost = Law and Security*. 2011; (3-4):76-86. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=17714733> (accessed 08.10.2019). (In Russ., abstract in Eng.)

20. Volokh V.A., Suvorova V.A. The State Migration Policy Concept of Russia: Basis for the Migration Security of the State. *NB: Natsionalnaya bezopasnost = National Security*. 2013; (3):1-16. (In Russ., abstract in Eng.) DOI: <https://doi.org/10.7256/2306-0417.2013.3.713>

21. Gavrilova T.M. Influence of Migratory Processes on Economic Security of Russia. *Natsionalnye interesy: priority i bezopasnost = National Interests: Priorities and Security*. 2011; (27):67-74. Available at: <https://www.fin-izdat.ru/journal/national/detail.php?ID=41855> (accessed 08.10.2019). (In Russ., abstract in Eng.)

22. Dementiev N.V. External Labour Migration as the Indicator of Economic Safety of Russia. *Sotsialno-ehkonomicheskie yavleniya i protsessy* = Social-Economic Phenomena and Processes. 2011; (7):38-41. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=17251262> (accessed 08.10.2019). (In Russ., abstract in Eng.)

23. Lipatova L.N., Gradusova V.N. Human Development in Russia: Major Achievements and Threats. *Regionology* = Russian Journal of Regional Studies. 2019; 27(2):310-329. DOI: <https://doi.org/10.15507/2413-1407.106.027.201902.310-329>

24. Lipatova L.N., Leshchev D.M., Gradusova V.N. Influence of Migration on the Formation of Labour Potential of Population. *Vestnik NII gumanitarnykh nauk pri Pravitel'stve RM* = Bulletin of the Research Institute of Humanities under the Government of the Republic of Mordovia. 2014; (1):106-119. Available at: <http://niign.ru/izdatelskaya-deyatelnost/nauchnie-jurnaly/2009/2014> (accessed 08.10.2019). (In Russ., abstract in Eng.)

25. Feshina S.S., Slavyanov A.S. Labor Migration and Problem of Innovation Development of the North-West Region of Russia. *Natsionalnye interesy: priority i bezopasnost* = National Interests: Priorities and Security. 2013; (24):38-43. Available at: <https://www.fin-izdat.ru/journal/national/detail.php?ID=57347> (accessed 08.10.2019). (In Russ., abstract in Eng.)

26. Havinson M.Yu., Kulakov M.P., Mishchuk S.N. [Forecasting the Dynamics of External Labor Migration at the Regional Level]. *Problemy prognozirovaniya* = Issues of Forecasting. 2013; (2):99-111. Available at: <https://ecfor.ru/publication/prognozirovanie-dinamiki-vneshnej-trudovoj-migratsii/> (accessed 08.10.2019). (In Russ.)

27. Tsyryulnikov V.S. Pendulum Labor Migration in Context of Manpower Traffic Control: Problems and Prospects (on Moscow Region's Materials). *Upravlenie personalom i intellektualnymi resursami v Rossii* = Human Resources and Intellectual Resources Management in Russia. 2013; 2(1):52-53. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=19084682> (accessed 08.10.2019). (In Russ., abstract in Eng.)

28. Yurasov I.A., Luzgina O.A., Dorofeev V.D. The Structure of Labor Migration in the Regions of Russia. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedenij. Povolzhskij region. Obshchestvennyye nauki* = University Proceedings. Volga Region. Social Sciences. 2012; (4):74-79. Available at: https://izvuz_on.pnzgu.ru/on10412 (accessed 08.10.2019). (In Russ.)

29. Deleva Ž. Conceptualizing Migration in Europe: Selected Theoretical Approaches. Institute of European Studies and International Relations Faculty of Social and Economic Sciences Comenius University Working Paper. 2010; (4):3-40. (In Russ.)

30. Karpova I.V. [Labor Migration and Development of Business Processes in Russia]. *Lizing* = Leasing. 2013; (4):30-41. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=18867979> (accessed 08.10.2019). (In Russ., abstract in Eng.)

31. Karpova I.V. Labor Migration and National business. *Lizing* = Leasing. 2011; (3):34-44. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=19060446> (accessed 08.10.2019). (In Russ., abstract in Eng.)

32. Vorobyova E.G., Kildyushkina I.G. Threats to the Economic Security of the Agricultural Sector of the Republic of Mordovia. *Regionology* = Russian Journal of Regional Studies. 2019; 27(2):246-269. (In Russ., abstract in Eng.) DOI: <https://doi.org/10.15507/2413-1407.106.027.201902.246-269>

About the authors:

Nikolai A. Pruel, Head of the Department of Social Management and Planning, St. Petersburg State University (7-9 Universitetskaya Emb., St. Petersburg 199034, Russia), Dr. Sci. (Sociology), Full Professor, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1468-1145>, pruijel@mail.ru

Lyudmila N. Lipatova, Professor, Department of Economics, North-West Institute of Management, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (57/43 Sredny Prospect VO, St. Petersburg 199178, Russia), Dr. Sci. (Sociology), Ph. D. (Economics), Associate Professor, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9357-6708>, ln.lipatova@yandex.ru

Valentina N. Gradusova, Associate Professor, Department of Management, North-West Institute of Management, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (57/43 Sredny Prospect VO, St. Petersburg 199178, Russia), Ph. D. (Economics), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0829-4555>, vgradusova@gmail.com

Contribution of the authors:

Nikolai A. Pruel – formulation of the basic concept of the article and choice of the research methodology.

Lyudmila N. Lipatova – data collection and analysis; preparation of the initial version of the text; critical analysis and revision of the text.

Valentina N. Gradusova – data collection and analysis; visualization; computer modeling and presentation of data in the text; other computer works; revision of the text.

For citation:

Pruel N.A., Lipatova L.N., Gradusova V.N. Migration in Modern Russia: Scope, Main Directions and Problems. *Regionology* = Russian Journal of Regional Studies. 2020; 28(1):133-158. DOI: <https://doi.org/10.15507/2413-1407.110.028.202001.133-158>

The authors have read and approved the final version of the manuscript.